

Серия «Весело по кабинетам власти»

Александр Чумаков

КОРРУПЦИОННЫЙ РОМАН

Книга первая «ГАСК»

Харьков
«ПромАрт»
18 мая 2019 г.

Оживший электромотор, напрягая ротор со статором, вал с редуктором и прочие мелкие, но такие нужные в процессе винтики со шпунтиками, плавно стал выталкивать шток из цилиндра. Это скрытое от глаз электромеханическое движение повлекло за собою более эстетическое и видимое действие – ажурные ворота крылышками гигантской бабочки синхронно поплыли в разные стороны, торжественно предоставляя возможность доступа кое-кому, кое-куда в нечто эдакое.

Импульс электромотору послал кривой заскорузлый палец, вдавивший чёрную эбонитовую кнопку, обрамлённую кружочком нержавеющей стали. В системе тока, бегущего по проводам, работы узлов и агрегатов, кручения шестерёнок, хода штока и самого открытия ворот главным казался палец. Он запустил процесс. Был, правда, ещё мозг, но он остался в тени. Палец, вроде как, сам рулит процессом. Захотел – нажал и всё. Дело пошло, результат достигнут, вопрос решен.

Вахтёр от системы МВД, загнанный службой в бронированную стеклянную пристройку-аквариум, отпустив кнопку, повернулся в офисном кресле к одному из трёх мониторов. Экран заполнил передок смоляного «БМВ-х5» с номерами 1010 ХС.

– Депутат Машин на очередной машине пожаловали на работу. – Охранник развернулся к сидевшему справа напарнику.

Его сослуживец, развалившийся в точно таком же кресле, игрался с диссонирующим строгой форме розовым айфоном. На фамилию Машин он оторвался от игрушки и, сощурившись, присмотрелся к экрану.

– Красавчик! – оценив машину, второй охранник откинулся на спинку. – Живут же люди! Это шестая за неполных три месяца. Может себе позволить. Шестая тачка у пацана. Ты понял? Прямо как трусея у моей Светки. «Неделька» называются. Знаешь, там сзади написан день недели. Я когда её хочу трахнуть в понедельник, а на трусах среда, то у меня коллективный диссонанс.

– Шо-шо? Какой диссонанс? – удивился первый охранник.

В вопросе почувствовался подвох. Оппонент не был лингвистически подкован, в связи с чем, принятым в среде элитных охранников речевым оборотом, дипломатично пресёк текущий предмет обсуждения.

– Тебе не похуй? У кого-то машины, у кого-то трусы. В газете вон прочитал, коллективный диссонанс это когда есть две тёлки, а ты не знаешь на какой остановиться и с этим коллективом одни проблемы. Как-то так. Закрыли тему.

Ворота достигли мёртвой точки и замерли. «БМВ» въехал во двор. Тот же самый палец вдавил красную кнопку, створки, подумав, вздрогнули и поплыли в обратном направлении.

– А номера одни и те же на всех его тачках. Их раньше СБУшники давали крышуемым ими комерсам, – с сожалением приняв уход от нераскрытой темы трусов, уведомил первый охранник. – Эти номера как бы не в тренде давно. Как ГАИшник тебе говорю. Коллеги мои бывшие его, конечно, с ними не остановят, но буквы устарели, да.

– Вместо Хэ и Эс правильнее было бы ввести Хэ Зэ. Хорошков-Ский-Хорошков-Ским, – расставляя ударения, пояснил он известную в узких кругах расшифровку номера. – Но он после того как Янык Юлю уронил в тюрьму вообще потерялся где-то. А вот это вот «Хэ» и «Зэ» на все случаи жизни подходит. Смотри, я вот Хуй Знает почему в этот аквариум по-

пал. Ну скажи, чем не буквы для номера. Едешь себе, а окружающим всё сразу ясно и понятно.

Второй охранник встрепенулся:

– Анекдот слушай: больной спрашивает у доктора: «Доктор, а что значат буквы «X/3» в моей истории болезни?».

Подождав реакцию и увидев, что анекдот «не прошёл», он бережно отложил розовый телефон на покрытый плексигласом стол, снял с лица глупую улыбку и раздражённо вернулся к обсуждению попадания коллеги в аквариум:

– Пряма-таки и не знаешь, – второй охранник, потянувшись, вытащил из лежащей на столе синей пачки «LD» сигарету, помял и заложил за ухо. – Ты же, сука, выиграл номинацию «водитель года», когда догнал бухого в жопу замминистра. Забыл? Даже сейчас страшно вслух говорить. Министерство год ржёт с той погони. Ты, братан, унизил генерала. Опустил в глазах всей, можно сказать, страны. Он то от тебя убегал как бы понарошку. Но ты же, сука, его догнал. А согласишься, это нечестно. Генералы они, как дети, им нужно поддаваться, шоб ты знал. Поддался и стоял бы сейчас себе у Бессарабки, мучился, не зная куда бабки складывать. Гнобить, друг мой, нужно безответных работяг и всякую шелупонь. А так за принципиальный подвиг свой служи тут слугам народа. Ворота им открывай-закрывай. Служи тем, кто служит тебе. Ты же из народа. Ты, брат, круг замкнул на самого себя.

Второй охранник взял со стола внезапно звякнувший телефон, что-то там полистал и, положив в карман, вышел из будки. Его коллега, привыкнув к подначкам, не обращал внимания на бурчание сослуживца. Игнорируя спич, задумчиво смотрел в мониторы, отражавшие двор Верховной Рады, ворота и часть прилегающей улицы. В памяти воспроизвёлся тот чёрный день. Проработав в Дорожно-патрульной службе меньше года, он значительно поправил финансовое положение. Поступая, после

автодорожного института на службу в ГАИ, отдал три тысячи долларов, вырученных с продажи отцовской машины. На этом его сбережения закончились. Осталась только сотня, которую он бережно носил в портмоне «на развод». Перед выходом на первое дежурство напарник попросил его сходить за радаром. Совершенно пустяковое одолжение. Почему бы не сделать. Тем более вдвоём стоять с этим прибором. Техник-старшина, к которому он обратился за радаром, сразу протянул руку и попросил в неё вложить сто долларов. Поняв подвох, стиснув зубы, он отдал деньги.

Первое дежурство принесло ему триста сорок долларов, из которых сотку он отдал командиру. Отношения в коллективе задались, с ребятами сдружился. Был как все, не зарывался и задних не пас. Постепенно ему стали давать «хлебные» участки. В тот день он уже отстоял «вахту» и они с напарником собирались возвращаться в «Хозяйство». Напарник, кинув ключи от машины коллеге, бухнулся на пассажирское сидение. Подходя к водительской дверце и нащупывая в связке ключ зажигания, он увидел, как белый «Рендж» проехал пешеходный переход, возле которого они «паслись», на жёлтый сигнал светофора. Решив содрать «аккордную сотку», дунув в свисток, он махнул жезлом. «Рендж-Ровер», не снижая скорости проехал метров двести, затем, не включая поворота, съехал на обочину, остановился и задним ходом быстро и без аварийной сигнализации вернулся. Открылось окно и на постового уставилось красное одутловатое лицо с осолопевшими глазами. Из окна повеяло запахом добычи. Виски или коньяк. Из недешевых. Повёл носом, след совсем свежий.

– На тебя шо, служивый, дыхнуть?

Понимая, что словил золотого клиента, которого меньше чем за пятьсот баксов отпускать западло, он вскинул руку к козырьку.

– Документы, будьте добры!

Рожа в окне выпучила глаза.

– Ты, блядь, кто такой?! Передашь командиру, что я тебя уволил. Угольно-тонированное окно нагло закрылось. Какое-то время он смотрел на своё отражение в чёрном стекле, пока отражение не сказало ему, что он лох. Ударивший вроде как сам по себе в водительское окно жезл, разлетелся на две части. Из него выпали батарейки. Окно открылось, противная рожа заливалась смехом.

– Ладно, повеселил ты меня, хуй с тобой, работай дальше. Палку свою только собери и в жопу себе засунь. Пока!

«Рендж-Ровер» резко тронулся с места.

Придерживая слетевшую фуражку, он рванул к служебной «Шкоде», нервно тыкая ключом в замок зажигания.

– Уходят золотые погоны, – сквозь зубы выговорил он, заводя двигатель.

Напарник удивлённо посмотрел на него.

– Догнать решил или шо?

– Не уйдёт, сука. Жезл подарочный и «карась» богатый.

Автомобиль завёлся, он воткнул передачу и, резко разворачиваясь включил ревун.

Товарищ хотел что-то сказать, но махнул рукой и пристегнулся... Уже потом, на упрёк, что ж ты, сволочь, не сказал, что это генерал, тот обоснованно ответил, что решил, что напарник знает за кем погнался, раз упомянул про золотые погоны. Обижаться на дебила смысла не было.

Открылась дверь и с летним зноем, воняя забыченной сигаретой, в будку вошёл второй охранник.

– Так вот, – вернулся он к прерванной теме, – ты тут теперича как часовой на посту номер один у полкового знамени. Почётное такое наказание. Стоишь ты в наглаженной форме

и понимаешь, что знамя полка нах никому не нужно, кроме пьяного замполита на девятое мая. Никто на тебя не нападет. Никто. Нет таких дебилов, которые проберутся в охраняемую воинскую часть, чтобы спиздить знамя полка. Но ни вздохнуть, ни почесаться ты уже не можешь. Сторожи знамя! Гордись! Тут у нас тоже самое, только воротничок можно расстегнуть и моргать чаще. Ворота открывай-закрывай. Как Василий Иванович в анекдоте про самолёт... – Сделав небольшую паузу, но не дождавшись просьбы его рассказать, он злобно продолжил. – Может когда-нибудь внутрь этой говорильни попадёшь. В буфет. Ты знаешь, как живут те, кто внутри?

– Знаю.

– Аха-ха! Что ты там знаешь! Ни ихрена ты, мой друг, не знаешь. Там только карточкой одного слуги из четырёхсот пятидесяти проголосовать стоит пятьсот баксов. Мне журналист рассказывал. Очкастый такой, небритый, как актёр из «Перевозчика», только страшный и лезет всюду. Так вот он говорил, что раз в месяц, помимо зарплаты, конверт дают с десяткой «зелени», и каждое голосование денег стоит. Потом комитеты-шмамитеты, депутатские запросы, а... та, бля, не хватит пальцев на руках и ногах. Слуги, блядь! Чихнул – уже заработал. Тут корячишься, хоть бы чарку поднесли когда. Все великие, нахуй послать некого. – Окончив спич, часовой Верховной Рады уткнулся в свой розовый телефон.

Первый охранник по-прежнему его не слушал, он запоздало-критически думал об идиотской комсомольско-корыстной принципиальности, бросившей его в погоню за пьяным генералом. Спасибо тогда не выперли совсем, – он оглядел будку, – до пенсии дали дотянуть. Осознав в очередной раз доброту начальства в общем и словленного генерала в частности, философски выдохнул в сторону напарника:

– Ты так до фи́га говоришь! Сразу видно, много читал. Ты шо, сидел?

Собеседник, интеллектуально уставший на предыдущих спичах не ответил. Беседа привычно перетекла в молчаливое аквариумное сосуществование.

Чёрный «БМВ» Ма́шина заехал во двор Украинского Парламента и уверенно покатыл к свободному месту между «Бентли» главы одной мутной фракции и «Мерседесом» не менее мутного члена комитета по вопросам строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Нижние чины Министерства внутренних дел, охраняющие вход в главный законодательный орган, добросовестно заблуждались о статусе Машина. Он был не депутат, а помощник депутата. Хотя деятельный помощник. Всем помощникам помощник. Решающий помощник. Не потому, что за ним решающее слово, а потому, что решает вопросы. Из тени.

– 2 –

– Петровна, ты же в завещание племянника включишь? Сынок ведь мой. Кровинушка наша, – это младшая сестра возлежавшей на смертном одре Петровны вкладывала в уши, собирающейся покинуть бранный мир, старушке необходимые условия для попадания в Рай.

В чисто убранной комнате небольшого, но добротного, ухоженного домика собрались пять человек близких родственников умирающей бабушки. Людей, конечно, было больше, но костяк, желавший разделить наследственную добычу, включал пять человек. Остальные были родней десятой линии наследования и на подтанцовке сновали по двору и по улице туда-сюда, превентивно натянув на лица скорбь. В виде исключения в дом проник непутёвый великовозрастный племянник Тихон, который пропил всё что можно, и с пересохшим горлом ждал новых поступлений. Сперва его из хаты выгнали, чтобы бабке глаза не мозолил и не испортил общее впечатление перед подписанием завещания, но он в суматохе пробрался внутрь и притаился за спинами основных скорбящих. Его конечно видели, но зная запальчивый характер и не желая связываться, делали вид, что не видели.

Старушка лежала молча, рассматривая потолок. Остальные, переминаясь и шушукаясь, ждали нотариуса, которого сын вёз к умирающей на машине, оформленной на умирающую.

Сын Витёк был спокойный, неконфликтный дядька и у него был свой интерес в том, чтобы машину маман оставила ему, а не суке сестре, которая почти о матери не заботится. Почти, это то, что о матери – нет, а о её имуществе – да. Ей нужно всё и без

ограничений. Причина веская. Она же дочь. А сын, по её мнению, никто и алкоголик. Ну ладно, посмотрим. Нотариуса своего навязывала, но остальные родственники, опасаясь сговора, ей этот ход заблокировали и позволили выбрать нотариуса сыну. И именно в сию минуту, выбранного самостоятельно нотариуса, сын вёз к одру матери. Выбор был очень прост. Заехал в самую затрапезную контору и заказал нотариуса на выезд. Выезд стоил дополнительно, но само участие в процедуре давало преференции сыну в претензии на наследство. По крайней мере он был уверен, что затраты отобьются.

Нотариус, женщина лет пятидесяти, привычно играя важность исполняемой роли, вошла в дом, осмотрелась и, гулко ступая чёрными официальными туфлями по зелёной вязанной дорожке, прошагала к кровати. Она высоко держала голову и не смотрела на родню, для которой нудное ожидание смерти прародительницы скрашивалось азартом возможной халявы. За нотариусом, опустив голову, в комнату вошёл сын предполагаемой покойницы с сумкой в руках. Пройдя к постели умирающей, он благоговейно поставил сумку на табурет возле старого кресла, в которое присела нотариус. Женщина вытащила из сумки ноутбук, маленький принтер и, переставив сумку на пол, расположила ноутбук на табурете. Покрутив в руках портативный принтер, поставила его на пол у ног. Раскрыла ноутбук, пощёлкала клавишами, ноутбук зажужжал, нотариус повернулась к старушке.

– Добрый день! Я нотариус городского нотариального округа Щеглова Мария. Ваши родственники обратились ко мне за, как я поняла, оформлением завещания. Если вы согласны, то сообщите мне ваше имя, отчество и фамилию с годом рождения.

Взгляд умирающей всё так же был направлен в потолок. В комнате подвисла нелепая пауза. Через две минуты раздалось

громкое, – «Кхе-кхе» от дамы, предусмотрительно одетой в чёрное платье.

– Мама, вы нас слышите? – официальным тоном обратилась она к лежащей.

Тут нужно сообщить читателю, что самой деятельной единицей из общей массы родственников была именно эта дама – единственная дочка завещательницы Светлана. Она держала рыбный киоск на Центральном рынке города, в связи с чем легко ориентировалась во всех сферах деятельности государства. Поговаривали, что в своё время она, на постоянной основе, то ли продавала креветки, то ли делала минет одному чиновнику из Госадминистрации, в последствии уехавшему работать в Киев. Поэтому, при случае она, скромно потупив глаза, общала полуправду о том, что у неё конец в Киеве.

– Слышу, – неожиданно чётко ответила старушка, – и вижу, – она помолчала, пока... И ещё через полминуты, – Сидоренко Мария Петровна тысяча девятьсот тридцать восьмого года рождения.

– Ну и замечательно, – вывела присутствующих из паузы нотариус, – вы готовы составить завещание? Я заверю ваше желание и вы...

– Можете спокойно умирать, – громко прошептал притоптывающий в нетерпении племянник. К нему обернулись, но не зашикали, поскольку, что у пьяного на языке, то у них на уме.

– Я хочу завещать дом, – еле слышно начала старушка, но нотариус перебила её.

– Вы вправе соблюдать тайну завещания и можете потребовать всех покинуть помещение.

Народ недовольно задвигался, загудел.

– Та нет у меня от них никаких тайн, пусть знают. Раньше перегрызутся, может умнее станут, – со старческой логикой по-

яснила хозяйка недвижимого имущества, расположенного в элитной части города.

– Мама, ну что вы тут такое говорите?! Это всё ваше и распоряжайтесь как хотите, – ни капли не сомневаясь в том, что дом будет отписан ей, успокоила старушку дочка.

– Спасибо, Светочка, – ироническим полушёпотом ответила старушка, – дом я хочу оставить... – Все незримо напряглись, а племянник Тихон зримо. Он готов требовать свою долю уже сейчас. Немедленно. Ещё до того, как бабка помрёт. Вот сейчас она скажет, что дом отходит сестре, то есть его матери и он сразу качнёт права. Это же законно. Так или иначе сегодня бухнёт. Тихон напрягся. Если бы у него был хвост, он бы как кот перед мышшиной норкой бил по полу его кончиком.

– Одну минутку, – сбила градус ожидания нотариус, – пожалуйста, дайте документы на дом.

– Какие это ещё документы? – раздалось со стороны племянника.

– Правоустанавливающие, – произнесла незнакомое слово в толпе далёких от юриспруденции родственников нотариус.

– Мама, где документы на дом? – дочка включила командный голос.

Старушка, пожевав губами, пару секунд подумала:

– В шкафу, под бельём постельным папка.

Дочка прошла в другую комнату, оттуда послышался скрип створок шкафа. Через минуту Светлана вернулась, держа в руке серо-коричневую папку с потрёпанными тесёмочками.

– Вот эта?

– Да, – старушка протянула слабую лапку, но Светлана отдала папку нотариусу.

– Пожалуйста.